

ETNOISTORIE

ЭТНОИСТОРИЯ

Александр ГАНЧЕВ, Владимир МИЛЬЧЕВ, Александр ПРИГАРИН

СПЕЦИФИКА МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА «СЪРНЕНА СРЕДНА ГОРА» НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИ- РОВАНИЕ БОЛГАРСКОЙ ОБЩИНЫ «ТУКАНЦЕВ» В ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ

Болгарская диаспора в современной Украине, являющаяся крупнейшей из диаспор вне Болгарии, представляет собой многоуровневую общность. В ее среде переплелись сложные территориальные и этнографические, исторические и социальные страты. Одной из них являются т.н. «туканцы» – самые ранние из болгарских поселенцев Буджака (Бессарабии, юго-западных районов Одесской области, Дунайско-Днестровского междуречья).

Данный микроэтноним, или субэтноним, не является избранным представителями самой группы в качестве самоназвания. При этом он активно используется представителями соседних болгарских субэтнических групп (Добрев, 2009, 7-8, 46, 53), а также других этносов. Например, их называют «туканлар» гагаузы и албанцы; кроме собственных полевых материалов опираемся на сведения исследователей Е. Н. Квилинковой (Кишинев) и Д. С. Ермолина (Санкт-Петербург).

Форма является исходной от пространственной локализации – «тукашни» (здешние), указывающей на первенствующую роль представителей группы в процессе болгарской (балканской вообще) колонизации Буджака. Употребление термина «тукан» (туканци, туканар, туканлар) в качестве группонима и ойконима, по отношению к субэтнической группе в целом и части жителей того или иного населенного пункта, фиксируется исследователями в таких городах и селах Буджака, как Болград, Каменка, Кирсово, Комрат (Балкански-Кондов, 2012, 79-81, 97). «Тукаш» или «туканячка» – имя Болгарии или болгар в целом, на гагаузском и румынском языках (Дрон, Курогло, 1989, 85; Дрон, 1993, 104, 142, 146; Балкански, Кондов, 2012, 157-158).

Первыми, собственно «туканскими», поселениями в Буджаке следует считать Таш-Бунар, Импуциту и Карагач, заселение которых выходцами из Караджа-дага (болг. Сърнена Средна Гора) следует отнести к периоду до 1807 г. (год занятия края российской армией). Уже после присоеди-

нения Бессарабии к Российской империи ими населяется старейшая часть Болграда, а также Тараклия (Червенков, Думиника, 2013, 46, 48-49) и Бановка. Кроме того, по данным диалектологов, представители данного субэтноса были среди болгарских первопоселенцев Анадолки, Джурджулешт, Сатунова, Кайраклии, Вайсала (ныне – Васильевка), Кубея (Червоноармейское), Чийшии (Городнее) и т. д. Впоследствии туканские старожилы были ассимилированы более многочисленными группами болгар, переселившимися в период 1810–1830-х гг. При этом специфические черты говора туканцев все же повлияли на язык новых жителей. Более того, «туканский след» отчетливо прослеживается в говоре болгарского села Парканы, географически расположенного уже не в Бессарабии, но на территории «Очаковской степи» и заселенного болгарами в 1804 г. (Атлас, 1958, 38).

Процессы перераспределения болгарского населения Буджака, которые имели место после присоединения края к Молдавскому княжеству, а именно, в 1860–1863 гг. способствовали возникновению новых туканских сел. Собственно в Бессарабии, по российскую сторону границы, в это время возникает село Кальчево, основанное жителями отдельного квартала (Туканской махалы) Болграда, а частично – из Таш-Бунара и др. туканских сел (Топалова, 2009, 7-8).

Массовое переселение бессарабских болгар в Таврию в 1861–1863 гг. повлекли за собой основание туканцами новых сел в Северном Приазовье. Переселенцы из Карагача на новом месте основывают целых три села – Анновку, Петровку и Перво-Николаевку. Выходцы из Таш-Бунара дают жизнь Преславу и Инзовке. Болгары из Импуциты основали Мануйловку и Зеленовку, а бановцы, соответственно, Бановку и Мариновку. Болградские туканцы поселились вместе с чушмелийцами (жители Чешма-Варуиты) в Степановке-Второй (Бернштейн, Чешко, 1952, 100-101). Туканцы из Кубея и Таш-Бунара – в Райновке (Бунина, 1950, 251-252). Кроме того, «туканский» говор фикси-

руется в языке таких болгарских сел Северного Приазовья, как Андровка, Гюневка, Луначарское, Коларовка и Вячеславовка (Атлас, 1958, 9-16).

Таким образом, туканцы составляют не только многочисленную, но и вполне выразительную группу болгарской диаспоры на юге Украины и Молдовы. В то же время, проблема их происхождения долгое время оставалась неразрешенной.

Один из наиболее ранних исследователей, А. А. Скальковский, характеризует самые старые туканские села Буджака – Таш-Бунар, Импуциту, Карагач – как населенные «болгарами из Македонии» (Скальковский, 1848, 62, 67, 69). Показателен здесь не столько факт сопоставления субэтнической группы с упомянутым регионом (под «Македонией» тогда часто подразумевали всю южную, забалканскую часть болгарских земель вообще, а не только историко-географический или этнографический регион), а фактическое отмежевание населения указанных сел от прочих.

И действительно, болгары-туканцы обладали, да и сейчас еще обладают только им присущими особенностями говора, фольклора, обрядности и т. п. В результате научных изысканий характерные особенности их говоров были в середине XX в. описаны советскими и болгарскими исследователями-филологами. Вследствие этого они были объединены в единую группу – так называемых «чийшийских» диалектов (которые, впрочем, правильнее было бы именовать «туканскими») (Атлас, 1958, 32-42).

Локализация места выхода носителей говоров из метрополии, сделанная тогда же, была не вполне корректной. В частности, указывалась территория Северо-Восточной Болгарии, район города Шумена. Отметим, что данная локализация была осуществлена механически, без сопоставления с диалектной картиной указанного региона: в качестве оправдания этому декларировалась не изученность данных говоров в самой Болгарии. За основу бралась арена действия российской армии во времена русско-турецкой войны 1806–1812 гг., когда, якобы, произошел массовый исход предков туканцев на север (Бернштейн, 1952, 17-18).

Подобная точка зрения довольно быстро стала господствующей и была перенесена из плоскости болгарской диалектологии даже в сферу исторических исследований. Нередко даже признанные корифеи болгаристики находились в плену подобных заблуждений. Так, например, указывая на происхождение из некоего села «Бабека» таких лиц, как Колю Вицеларю, Терзи Вильчу, Коле Гугун, Коле Варбан и др. (подчеркиванием обращаем внимание на родовые прозвища, от которых

происходят две самые распространенные фамилии нынешнего таврического с. Преслав, происходящие от «старых ташбунарцев» – Гогунские и Варбанские, причем, встречающиеся только в нем), исследователь далее замечает, что «название этого села, вероятно, дано в искаженной форме. По нашему мнению, это либо село Бабук, что в Силистринской околии, либо село Бабово из Русенской околии». То есть, Южная Болгария заведомо не рассматривается в качестве возможного места выхода «бабекцев», поскольку «во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. русская армия не заходила так глубоко на территорию Болгарии» (Грек, 2010, 306).

Вместе с тем, еще в конце XIX – в начале XX вв. среди потомков болгарских первопоселенцев Буджака и Таврии сохранялась память о том, из каких именно районов Болгарии пришли их предки: уроженец туканского Преслава, д-р. И. Тодоров упоминал пловдивские села Хамзаларе и Чобу (Български, 1903, 3); выходец из туканской махалы Болграда, д-р. Й. Титоров указывал на село Бабек, расположенное поблизости, и на другие села Фракии (Титоров, 1903, 104, 106). Упомянутые села располагались в историко-географическом регионе Караджа-даг (болг. Сърнена Средна Гора).

Так, ведя речь об известном в истории Болграда семействе Камбуровых, происходящем из туканской махалы, Титоров прямо указывает, что «те са от туканите, сиречь от онези българи в Бессарабия, кои са се заселили там в края на XVIII или в началото на XIX столетие». Тут же акцентировалось их фракийское, южно-болгарское происхождение (Титоров, 1903, 21, 104).

Правомерен вопрос о том, как сформировалась оппозиция, в которой одну из сторон стали называть «местными». Рискнем предположить, что ответ находится в среде все тех же бывших балканских жителей. Источники первой трети XIX в. нередко отмечают «старых» болгар и т. н. «беженар» (беженцев). Например, П. Свиньин писал: «Особливо во время прошедшей войны [1806–1812 гг.] вышло <...> до 4 000 тысяч семейств в Бессарабию, кои большею частию поселились в домах, оставленных татарами. Для отличения от прежде поселившихся здесь болгар, называют их «беженарами» (Свиньин, 1867, 226). Таким образом отличались «коренные» болгары (поселившиеся еще в Молдо-Валашский период) от вновь пришедших (Российский).

Дело в том, что территория Бессарабии в начале XIX в. все еще находится в Османской империи. Какая-то группа болгар поселяется в этом регионе, предпочитая жить на окраине, где нацио-

нальные, духовные и экономические притеснения слабее, чем на территории Болгарии. До русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в Буджаке проживало уже около 8000 болгар. Известно, что после военной компании 1787–1791 гг. более 200 болгарских семейств поселились в Буджаке. Избрали они себе земли между Прутом и Ялпугом. Такой ареал определялся правовым казусом: эти земли, входящие в состав зависимого от Османской империи Молдавского княжества, управлялись не султанской администрацией, а господарями.

Переселившись на территорию Буджака, туканцы поселились, прежде всего, в городах Рени и Измаил, а также существовавших на тот момент молдавских селах Сатуново, Анадол, Джурджулещи, Барта. Архивные материалы указывают, что в село Барта болгары пришли в 1790 г.¹ В 1800 году средногорцы осели на месте ногайского поселения Таш-Бунар². В 1803 г. переселенцы поселились в селении Импуцита³, в 1804 г. были основаны села Карагач и Кубей⁴. В Кубее туканский субстрат на сегодняшний день практически отсутствует. Вероятнее всего туканцами были заселены и Табаки, но впоследствии большая часть из них переселилась в г. Болград, после его основания в 1821 г.

Кроме того, значительная часть выходцев из Караджа-дага находилась в молдавских селениях Томаровского и Гречанского цынутов – Орак, Кугурлуй, Томай, Минжир, Малешты, Джигалбай, Пеленей Булгар, Пеленей, Молдован, Гаджикиой, Гречан, Алуат, Казаяклия, Мусаит, Чадыр – на землях молдавских бояр (наиболее крупным землевладельцем был И. Балш), не только до занятия региона русскими войсками (1807) и даже вхождения его в состав Российской империи (1812), но

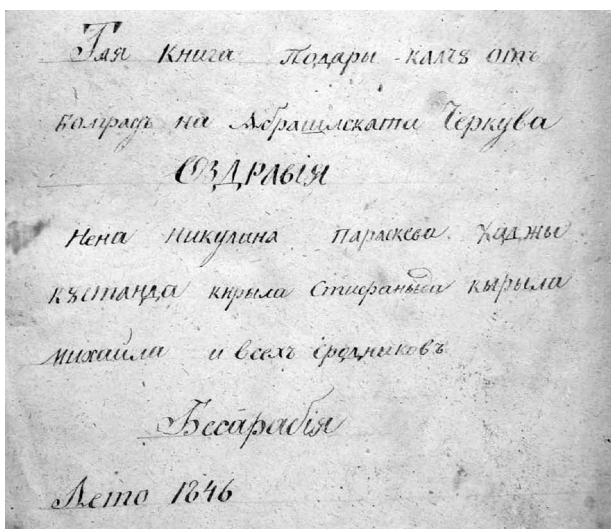

Рис. 1. Дарственная надпись на книге Деяния Святых апостолов. Церковь Св. Димитра в г. Брезово Пловдивской области.

и вплоть до обретения болгарскими колонистскими прав (1819) и их дальнейшего массового исхода на земли новооснованных колонистских округов (1819–1821) (Грек, 2010, 293).

С приходом российских войск в 1807 г. туканцы поселились на землях селения Долукиой. Вполне возможно, что в это же время началось заселение села Чийшия. В 1809 г. туканцы поселились в Курчи⁵, а в 1811 г. вместе с албанцами основали село Каракурт, а вместе с молдаванами – Ердек-Бурну.

Несколько забегая вперед, отметим, что в 1820 году «городских» болгар наделили землей. Группа туканцев во главе с «дядо Бано» выселилась из Измаила и основала в 1821 г. село Бановка. В 1857 г. было основано село Кальчева, которое в 1861 г. значительно пополнилось за счет переселенцев из туканской махалы г. Болграда.

Желая внести ясность в дискуссионный вопрос о происхождении данной субэтнической группы, авторы данной статьи (двое из них имеющие родовые корни, происходящие из туканских сел Буджака и Таврии – Владычени (Импуциты) и Преслава (Таш-Бунара)), взяли за основу версию о ее генетических связях с населением Караджа-дага. В мае 2012-го, и в мае же 2013 г., ими, при участии Ивана Петровича Ганчева, были проведены две полевые экспедиции на территории общины Брезово Пловдивской области – город Брезово и села Свежен, Бабек, Чоба, Зелениково, Ро-

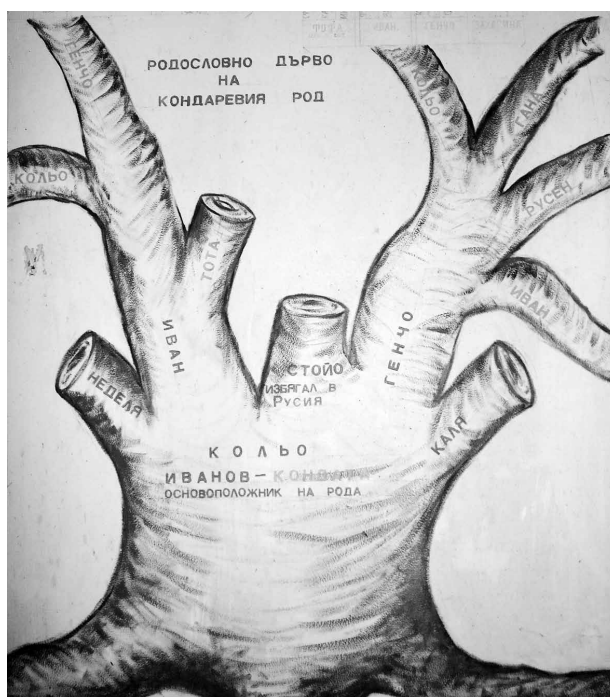

Рис. 2. Изображение родового дерева семьи Кондаревых. Музей в с. Верен общины Братя Даскалови Старозагорской области.

зовец, Чехларе (все в 2012 г.), Златосел, Дрангово, Тюркмен и Стрелци (в 2013 г.) – и общины Братя Даскалови Старозагорской области – села Братя Даскалови, Верен, Марково, Православ и Медово (все в 2012 г.).

В процессе проведения экспедиций были обследованы местные церкви, библиотеки, музеи, поточные архивы местных сельсоветов, проведены опросы местных жителей, в том числе – краеведов-любителей. Наиболее ценную информацию в наше распоряжение предоставил житель г. Брезово Иван Муевский, за что высказываем ему искреннюю благодарность.

В результате были обнаружены наглядные свидетельства в пользу версии об происхождении «туканцев» из региона «Сърнена Средна Гора» (тур. Караджа-даг).

Так, в церкви «Св. Димитър» г. Брезово была выявлена подборка церковных книг киевской и московской печати, подаренных храму родного села Абрашларе (старое название Брезово) бессарабскими колонистами. Учитывая ценность данного корпуса источников, публикуем полностью дарственные надписи на них:

1) «Тая книга Подары Калчу отъ / Болградъ на Абрашларската Черкува / ОЗДРАВІЕ / Нена Никулина Параскева Хаджи / Кустанда Кырыла Стифаныда Кырыла / Михайла и всехъ сродниковъ / Бесарабія / Лето 1846» (Деяния Святых апостолов, Киево-Печерская Лавра; 1832);

2) «сию книгу подарилъ / Хаджи Феодоръ Дончовъ / Оздравіе / Параскеви, Ивана, Феодора, Манойла Нес / тора, Михаила, Параскеви, Мариі Параскеви Леонтия / За упокой / Данила, Гина, Тодора Давида / Димитра Аксения, ивсехъ Сродниковъ / Бесарабія / на 1846е лето Колонія Болградъ / [другим почерком]: Феодоръ Параскеви Ивана Феодора / Феодоръ J Параскеви М» [еще одно свидетельство продолжения общения – перенесение части людей из раздела «здравия» в «упокой»; обратим внимание, что «за упокой» формы болгарские (например: «Тодоръ»), а вот за здравие – «Феодоръ»] (Пентикостарион (Пятидесятница, Триод Цветная), Москва, Синодальная типография; 1841);

3) «Сию книгу подарылъ Тодоръ / Топаленку, даспоминувати оздравіе, / Феодора, Марія, Димитрія, Николая, Алексія, / Георгія, Николая, Феодора, Алексія, Стояна / Марія Пена Аксения Илена Марія Боика / заупокой а вел / Миту Митка Велика Михаила Злата Михаила / Велика Михайла / Злата Михаила / Андрея Гену Гана Андрея Братанъ ВЕЛА, / и всехъ сродниковъ Феодора Мары яд / Андрея Бесарабія Об Арашлари / на 1846е лето Колонія Болград / Господинъ» («Триод,

сиестъ Трипеснецъ»; Москва, Синодальная типография, 1841).

4) «Сію Книгу подарыл Калчу или / Кирило Манковъ / Оздравіе / Кирила Стойка Димитрія Николая / Банна Аликсея Симеона / Бесарабія Болградъ лето 1846» (Минейя Сентябрь-Октябрь (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839);

5) «Тая книга подары калчу отъ Болградъ / на Абрашларската Черкува / ОЗДРАВІЕ / Калча Стойка Димитрія Ныколая Бана / Алексея Симеонъ умря сентабря на 20 ден / Бесарабія Лето 1846 / [другим почерком]: Ась Эмманоиль / Петровъ» [характерна приписка о смерти некоего Симеона свидетельствует о продолжении общения после подарка] (Минейя Ноябрь-Декабрь (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839);

6) «Тая Книга Подары калчу отъ Болградъ / На Абрашларската Черкува / Заупокой / Минка Нена стояна Ивана Николая / Константына Кини Тодора Кира Дона / Марія Матвея Симеонъ / Бесарабія / Лето 1846» (Минейя Январь-Февраль (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839);

7) «Тазы Книга Подары калчу отъ Болградъ / на Абрашларската Черкува / Оздравіе / Калча Стойка Димитрія Николая Бана / Алексея Симеона пена костанда нена Никулина / Кирила Кырыла Михайла Стифаніда / Бесарабія Лето 1846» «Тази Книга Подари Калчу Болградъ / Болградъ Въ Болградъ Калчю» (Минейя Июль-Август (в одном переплете), Киево-Печерская Лавра; 1839)⁶.

Очевидна прямая забота болгарских жителей о снабжении некогда родного храма богослужбной литературой. Скорее всего, подарен был полный круг «Миней» (4 месяца, или 2 книги до нас, увы, не дошли). Учитывая цену подобной книги, которая равнялась примерно цене коровы, можно утверждать, что это был значительный вклад. В этом же храме хранится значительное количество икон киевского и московского письма, возможно, также переданных туканскими жителями Бессарабии. О подобном факте косвенно свидетельствует серебряное блюдо с именем дарителя «Антонъ Василиевъ отъ Болградъ» (дискос)⁷.

Следует отметить, что в отдельных случаях память о родственниках, выселившихся в Бессарабию именно из данного региона, сохранялась на протяжении полутора столетий. Так, выходцы из рамалийских родов Бачуровых (в Бессарабии фамилия трансформировалась в «Бачурских») и Цветанских, проживающие в бессарабском Карагаче и Импуците, а также в дочерних таврических селах – Анновке, Петровке, Перво-Николаевке, указывали на Рамалий как на зону выхода их предков не только в конце XIX в., но даже и в середине

XX в. (Кюркчиев, 1985, 46). А представители хамзатарского рода Вапировых до сих пор помнят об ушедшем в Бессарабию Краю Вапирове (1783 – ?), который стал родоначальником «таш-бунарской» ветви рода Вапировых, проживающего и поныне в таврической Инзовке (Цветков, 2007, 199).

Тема выселения на север нашла отображение в генеалогических росписях сел региона. Например, одна из стен краеведческого музея в с. Верен украшена изображением родового дерева Кондаревых. Ниже имени одного из сыновей основателя рода Кольо Иванова – Стою – находится надпись – «избягал в Русия». Символична и форма рисунка – спиленный сук дерева⁸.

Жители соседнего села Чехларе, когда в 1850-х гг. им понадобились средства для постройки новой церкви в селе, отправили в Бессарабию трех ходоков во главе с Моню Доковым. Эти ходоки пробыли в России два года, причем жили все это время в Болграде, в доме у профессора Дмитрия Агуры, родители которого были выселенцами из соседнего с. Бабек, а сам он, очевидно, был связан с чехларцами какими-то родственными отношениями (Чунтов, 2001, 15, 17).

Еще один характерный пример. Известный уроженец Брезово (Абрашларе) художник Минчо Кацаров, занимаясь исследованием собственной генеалогии, в 1939 г. в письме к своей старшей сестре спрашивал, что ей известно о предках по линии деда Стою, который был попом: «Неговият баща Стоян, наш працядо, какво е работил в Русия, та са е върнал богат?» (Валявичарска, 1992, 164).

В данном случае, очевидно, имеем дело со случаем реэмиграции выселенцев, которые получили колониальный земельный надел в Бессарабии, продали его и вернулись на родину. Нужно сказать, что практика эта была не столь уж редкой. Прямым ее отображением является довольно распространенная в регионе Средней горы фамилия «Молдовански» (зафиксирована в Бабеке, Брезово, Чобе), которой наделяли местные жители подобных репатриантов⁹.

Многочисленные подтверждения версии об южно-болгарском происхождении туканцев были выявлены нами и в результате ознакомления с работами местных историков-краеведов, представленными рядом научно-популярных очерков по истории города Брезово (Сукарев, 1992) и сел Тюркмен (Байчев, 2010), Братя Даскалови (Живи, 2007; Желев-Манолова), Верен (Кратка, 1990; Минчев, 2004), Медово (Дойчинов, 2009), Свежен (Николов, 2002), Върбен (Пенчев, 2008), Чоба (Попов, 2008), Зелениково (Цветков, 2007), Чехларе (Чунтов, 2011). Сюжет выхода в Бессарабию обя-

зательно присутствует в этих изданиях, но, правда, как лапидарное упоминание о выселении, без деталей и подробностей.

Косвенное подтверждение своей гипотезе мы нашли в регистрах населения (аналогичных хозяйственным книгам). Из этих современных списков были взяты антропонимические материалы (фамилии). Их сравнение с аналогичными диаспорными выявило совпадения в достаточно редких формах (например, Каназирски, Матански, Кацарски, Гогунски, Гогов и т. д.).

Еще одной группой материалов являются этнографические данные. Пока это пилотные сведения, но уже они показывают сходство в ряде типологических моментов. Например, и в Бессарабии, и в регионе Средней Горы сохранялась специфика надгробных памятников в зависимости от пола (крест – мужской и антропоморфная «кукла» – женский). Таковым признаком можно также считать обычай «курбана» – жертвенного ягненка. В обеих группах сел его готовят с кашей (булгур), а не тушением просто мяса. Общность в материальной культуре вряд ли может выступать серьезным аргументом – ее комплексы скорее представляют собой результаты модернизации и урбанизации последних полутора столетий. Но лексика, обозначающая основные элементы хозяйства и быта, безусловно, совпадает в значительной степени.

Актуализированные документальные, нарративные, фольклорные, графические и др. виды источников, вкупе с представительной историографической базой, позволили подтвердить гипотезу о южно-болгарском происхождении туканцев. Основные положения данной исследовательской проблемы неоднократно представлялись авторами широкой научной общественности в течение 2010–2014 гг. на международных научных конференциях и симпозиумах в Украине и Болгарии.

Попутно был поднят еще один важный вопрос – какими были причины выселения предков болгар-туканцев из региона Караджа-даг? Всестороннее изучение вопроса позволяет утверждать, что наиглавнейшим из факторов стала фактическая утрата контроля со стороны центрального османского правительства за управлением территорий, конкретизировавшаяся усилением налогового гнета со стороны мятежных феодалов.

Применительно к изучаемому времени и региону, ситуация выглядела следующим образом. Земли в бассейне реки Гюль-дере, вдоль течения которой расположена основная масса интересующих нас сел, на протяжении всего XVIII века принадлежали представителям одного бейского рода Бекирли: Мисселим-бею, его сыну Бекир-бею и

внукам – Кюсели, Садык, Бекир, Сулейман, Адем и Челеби-бейам. Соответственно, их владения именовались: Миселим (Православ), Садыклий (Верен), Челеби (Медово). Часть земель была отдана Бекиром (Первым) в держание тюркам-кочевникам (тюркменам), в районе с. Тюркмен, откуда и его название (Байчев, 2010, 23-25).

Приблизительно в 1780 г. управителем нахии Караджа-даг был назначен представитель рода Бекирли – Мустафа-паша (также известен как Кара-Мустафа Филибели (Пловдивский) (Мутафчиева, 1993, 254). В начале 1790-х годов, на общей волне феодальной анархии, воцарившейся в европейских владениях Османской империи, он, подобно многим, отложился от центрального правительства и объявил себя независимым властителем края. Свою резиденцию (конак) Мустафа-паша имел в Чобе и хорошо укрепил ее. Около 10 лет продолжалось его самовольное правление – вплоть до конца июля 1801 г., в котором его вооруженный отряд был разгромлен султанскими войсками под предводительством Хак-паши. Мустафа спасся бегством в Видин, где присоединился к Осману Павсант-оглу (Попов, 2008, 6-7).

После этого представители восстановленной центральной власти пожелали получить с жителей нахии подати за десятилетний период. Естественно, что местные райа не пришли в восторг от таких требований, поскольку налоги платились ими Мустафе Бекирли и просто не передавались им в султанскую казну. По сути, караджадагцы попали под пресс двойного налогообложения. В таких условиях часть из них предпочла наипростейший из возможных выходов – бегство. Инициатором переселения стал житель Чобы, некий «дядо Бано». Он и его родня составили, очевидно, ядро переселенцев. Также к ним присоединились жители Хамзаларе (Зелениково), откуда родом была его жена, а также находящегося между ними Абрашларе (Брезово) и др. (Попов, 2008, 30-31). Следует отметить, что сам Бано прожил еще не менее 25 лет после переселения, поскольку бессарабская Бановка, названная в его честь, была основана в 1821 г., а сам он, за особые заслуги перед односельчанами, похоронен в церковном приделе (Титоров, 1903, 79).

Точное количество переселенцев не сохранилось в народной памяти, но думаем, что оно не могло быть особо большим – несколько десятков семей, быть может, до сотни, но не более, иначе турецкие власти предприняли бы меры к задержанию самовольных выселенцев. Маршрут следования беженцев был направлен на север. По пути к «бановцам» присоединялись отдельные семьи

из сел, лежащих по другую сторону Средней Горы. Об этом красноречиво говорят происходящие от соответствующих топонимов фамилии жителей туканских сел в Бессарабии и Таврии: Туриец (от с. Турия; встречается у таш-бунарцев, причем у жителей таврического Преслава сохранилась в первоначальной форме, а в самом Таш-Бунаре (Каменке) впоследствии румынизировалась и превратилась в «Турицу», утратив первоначальную ясность своего происхождения), Суфларский (от старого названия с. Павел Баня – Суфлар-Тепеси (от могил двух дервишей-суфиев, находящихся в турецкой части села), Казанлык (от г. Казанлык) и т. п.

Скорее всего, продвижение Бано и его сподвижников в Бессарабию происходило поэтапно. Вероятно, первую зиму они провели уже за Дунаем, на территории Валашского княжества, однако уже летом 1802 г. были вынуждены двинуться далее, поскольку именно в это время Павсант-оглу, одержав ряд побед над правительственными войсками, переносит военные действия на север, разграбив Валахию вплоть до Бухареста (Мутафчиева, 1993, 279-280).

Еще одним из проявлений феодальной анархии в Османской империи в последней четверти XVIII – первой декаде XIX вв. стало т. н. «кърджалийско време» – бесчинства отрядов мятежных феодалов и просто неприкрытый террор со стороны обычных шаек разбойников и дезертиров в отношении христианского населения.

Учитывая данный фактор, мы можем утверждать, что переселение караджа-дагцев в 1801 г. не было вызвано исключительно фискальным давлением восстановленной султанской администрации. Также, скорее всего, не было оно и самым первым из череды выселений жителей региона. Несколькими годами ранее, а именно, летом 1797 г., села края подверглись опустошительным нападениям разбойничьих шаек Кара-Фейзи, одного из наиболее активных кърджалийских предводителей (Мутафчиева, 1993, 161-163, 222-223). Не исключено, что уже тогда первые беженцы покидают родные селения и ищут спасения в уходе на север, в Буджак. Впрочем, возможно, что это происходит даже несколько ранее.

Набеги кърджалийских банд, происходившие на рубеже XVIII – XIX веков, указываются в качестве основной причины, заставившей караджадагцев покидать родные села. Те же рамалийцы в поисках более спокойных мест переселялись не только в далекий Буджак, но и то ли основали, то ли заселили уже существующие два села в окрестностях Карнобата (Кюркчиев, 1985, 45).

Будет уместно сделать предположение, что они могли в дальнейшем выступать в качестве своеобразных промежуточных пунктов эмиграции/ремиграции между Буджаком и Сърненой Средней Горой.

Насилие, претерпеваемое со стороны всевозможных разбойных ватаг «смутного времени», заставила двинуться на север «в Россию» и часть жителей Садыклии (нынешнего с. Верен) (Кратка, 1990, 33, 35).

Следующим из факторов, подтолкнувших предков туканцев к переселению в Буджак, могла быть сложная эпидемиологическая ситуация в регионе – вспышки чумы, холеры и других болезней.

Народная память болгар Буджака сохранила воспоминания о чуме 1795 г. (Първата Чума) как о причине переселения на север (Балкански, Кондов, 2012, 177). На эпидемии как на фактор переселенческой активности указывали авторам данного исследования и старожилы среднегорских сел Бабек и Розовец (Рамалий): на протяжении конца XVIII – начала XIX вв. население этих сел несколько раз то поднималось выше в горы, то спускалось на южные склоны Караджа-дага, пытаясь уберечься от вездесущей заразы¹⁰.

В целом, приток эмигрантов с Балкан, происходящий, к тому же, в сложной эпидемиологической обстановке, подтверждается и поточной документацией российских таможенных учреждений указанного периода. Так, рапорты и донесения начальника Дубоссарского карантина, располагавшегося на Днестре, на границе с турецкими владениями в Бессарабии, указывают на прибытие переселенцев, которые выдерживали сорокадневный (и более) карантин со всеми предосторожностями, ввиду высокого уровня зараженности территорий, с которых они прибыли¹¹.

Нельзя не отметить довольно высокий уровень мобильности жителей Средней Горы, вследствие традиционных занятий отходным пастушеским промыслом. Отметим, что население сел в верхнем и нижнем течении Гюль-дере было неоднородным: если большинство упомянутых сел находилось в феодальном владении, отдельные из них – те, что располагались на южных склонах Караджа-дага – Рамалий, Бабек, Чехларе – были дерменджийскими поселениями. Например, жителям Рамалии вменялась в обязанность охрана перевала и поддержание в удовлетворительном состоянии дороги от их села к селу Турия, расположенном на северных склонах указанного горного массива (Кюркчиев, 1985, 45).

Вместе с тем, и райя, и дерменджии региона, несмотря на отличия в социальном статусе,

занимались, по большей части, отгонным скотоводством, отдавая ему предпочтение перед собственным земледелием. Так, большая часть жителей с. Рамалий, расположенного на малопродуктивных горных землях, вынуждена была постоянно отлучаться на заработки. Многие мужчины нанимались чабанами даже в Анатолию (Рахманлий, Розовец) (Кюркчиев, 1985, 48-49).

Показателен в этом отношении и песенный фольклор туканцев. В частности, мы обратились к наиболее старому его пласту, зафиксированному от стариков еще в конце XIX – начале XX вв. А.Ф. Варбанским в его родном Преславе и в соседних туканских селах, населенных выходцами из бессарабских Карагача, Импуциты и Бановки. В песнях, посвященных занятиям отгонным овцеводством вообще и пастушеским промыслом, в частности, «Стоян-кехайя» и «Момче-загорче», упомянуты названия регионов, с которыми связано население Средней Горы. Так, фигурирует «Кавлашко». Главный герой первой из песен, Стоян, не только собирается туда ехать пасти стада, но и умеет говорить и писать по-валашски: «Стоян мами си думаше: / Викат ма, мамо, викат ма / В Беглика, в Кара-Влашкото, / На три сюррии кехая. / Че зная влашки да пиша / И зная влашки да думам» (Песните, 1910, 384-386). Это, бесспорно, указывает на неоднократный, не разовый характер подобных сезонных уходов.

Тема пастушеского промысла и Валахии повторяется и во второй из упомянутых песен: «Слязло е момче-загорче. Карало й влашки говеда, карало й да ги продава» (Песните, 1910, 151). Стада валашских коров, которые гонит на продажу пастух, очевидно, являются плодом его издольного заработка – части приплода, появившегося за время его работы по найму (традиционная форма расчета с наемными пастухами того времени).

Как видим, география мест, в которые отлучались среднегорцы для занятий наемным пастушеством, была довольно широка – от Анатолии до Нижнего Подунавья. Вероятнее всего, была им известна и территория Бессарабии, в том числе южной ее части – Буджака,

Решающим фактором, повлиявшим на продвижение караджа-дагцев в Буджак и фактического превращения их в самых старых (в Новое Время) болгарских поселенцев края – туканцев, стало наличие в последнем значительного количества незаселенных земель.

Следует согласиться с точкой зрения молдавского исследователя Д. Хайдарлы, согласно которому вся территория Молдавского княжества, а не только ее южных цынутов (уездов) становится

относительно безопасной со стороны ногайского Буджака лишь после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и подписания Кючук-Кайнарджийского мира, который ликвидировал даннические отношения Молдавии по отношению к Крымскому ханству и положил конец череде нескончаемых набегов на внутренние области княжества (Хайдарлы, 2005, 299).

Упомянутая демаркационная линия между владениями молдавских господарей и крымских ханов в Южной Бессарабии, в западной ее части, проходила по течению р. Ялпуг и берегу одноименного озера, каковым образом западный его берег находился уже на территории Молдавского княжества (Хайдарлы, 2005, 250). Более чем столетний срок введения этой границы (примерно с 1666 г.) создавал определённую атмосферу безопасности (часто, впрочем, нарушаемую ногайцами) для христианского населения, живущего за ней (Хайдарлы, 2009, 102, 107).

По мнению того же Д. Хайдарлы, относительно разреженность ногайских аулов южнее линии Халил-паши и, в целом, комплементарное отношение их жителей к новым поселенцам, позволило болгарским мигрантам вести традиционное хозяйствование параллельно с ними, не дожидаясь массового исхода ногайцев (Хайдарлы, 2009, 102, 107).

Таким образом, в результате проведенной архивной, музейной и пр. эвристики было установлено, что зоной выхода т. н. «туканцев» являлся регион «Сърнена Средна Гора» в Южной Болгарии.

Основными причинами выселения в указанное время стали:

1) феодальная анархия в Османской империи в последней четверти XVIII – первой декаде XIX вв. («кърджалийско време»), повлекшая террор в отношении христианского населения;

2) фактическая утрата контроля со стороны центрального османского правительства за управлением территорий, конкретизировавшаяся усилением налогового гнета со стороны мятежных феодалов;

3) сложная эпидемиологическая ситуация в регионе;

4) высокий уровень мобильности населения, вследствие традиционных занятий отходным пастьешным промыслом;

5) наличие в Буджаке пригодных для заселения земель.

Совокупность указанных факторов поспособствовала тому, что именно жители подбалканского региона «Сърнена Средна Гора», невзирая

на значительную географическую удаленность, стали первыми болгарскими поселенцами Южной Бессарабии.

Примечания

¹ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Фонд 5, опись 2, дело 439, лист 398.

² НАРМ. Ф. 5, оп. 2, д. 439, л. 169 об.

³ НАРМ. Ф. 205, оп. 1. д. 2069, л. 1 об.

⁴ НАРМ. Ф. 5, оп. 2, д. 439, лл. 382, 453.

⁵ НАРМ. Ф. 205, оп. 1. д. 2069. л. 480.

⁶ Экспедиционный архив авторов (ЭАА), 2012.

⁷ ЭАА, 2012.

⁸ ЭАА, 2012.

⁹ ЭАА, 2012–2013.

¹⁰ ЭАА, 2012.

¹¹ Государственный архив Херсонской области. Ф. 14, оп. 1, д. 276, лл. 168–170.

Литература

Атлас болгарских говоров в СССР, под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958.

Байчев С. Из миналото на село Тюркмен. Пловдив, 2010.

Балкански Т., Кондов В. Бесарабски бележник. Велико Търново, 2012.

Бернштейн С. Б. Болгарские говоры Буджака // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 2. М., 1952.

Бернштейн С. Б., Чешко Е. В. Отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Запорожской области УССР в августе 1950 года // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 2. М., 1952.

Бунина И. К. Из истории вайсальских говоров // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 2. Москва–Ленинград, 1950.

Български народни песни, събрани в с. Преслав и с. Строгановка, Русия. Отъ Ив. С. Тодоров. Ловеч, 1903.

Валявичарска (Кацарова) В. Минчо Кацаров. София, 1992.

Грек И. Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX вв.) // Stratum plus. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2010, № 6.

Добрев В. Чушмелий. Мелитополь–Велико Търново, 2009.

Дойчинов Д. Медово. Разбуненият кошер. Пловдив, 2009.

Дрон И. Гагаузские географические названия. Кишинев, 1993.

Дрон И. В., Курогло С. С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989.

Желев М., Манолова М. Село Братя Даскалови. Принос към историята на селото, Стара Загора, БД.

Живи страници. Документална книга за появата и развитието на селата в община Братя Даскалови. Шумен, 2007.

Журавлев В. К. Ташбунарский говор // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 4. М., 1953.

Кратка история на село Верен. София, 1990.

Кюркчиев М. Розовец. Кратък исторически очерк. Пловдив, 1985.

Минчев Ф. История на село Верен (Чирпанско) окръг Старозагорски. Част втора. Велико Търново, 2004.

Мутафчиева В. Кърджалийско време. София, 1993.

Николов Х. Свежен. Краеведчески очерк. Пловдив, 2002.

Пенчев А. Село Върбен. Исторически очерк. Пловдив, 2008.

Песните на Бердянските българи. Събрал А. Варбански. Ногайск, 1910.

Попов Хр. История на село Чоба. Пловдив, 2008.

Свиньин П. Описание Бессарабской области. 1816 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. Одесса, 1867.

Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.

Сукарев С. Книга за Брезово. Пловдив, 1992.

Титоров И. Българите в Бессарабия. София, 1903.

Топалова С. Говорът на село Калчево Болградско, Бессарабия. Речник / Българските говорите в Украйна. Вип. 5. Одеса, 2009.

Хайдарлы Д. И. Молдавия и Крымское ханство (1718–1774) // *Stratum plus*. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2005, № 6.

Хайдарлы Д. И. Население Северо-Западного Причерноморья в XVIII в. (исторические аспекты) // *Stratum plus*, № 6 (2005–2009), Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2009.

Цветков Ц. Наше село Зелениково. София, 2007.

Червенков Н., Думиника И. Тараклии – 200 лет: Том I (1813–1940). Кишинев, 2013.

Чунтов М. Чехларе – родолюбивото и борческо село. София, 2011.

Rezumat

Cei mai vechi coloniști din sudul Basarabiei (Bugeac) sunt așa-numiții „tucani”. Problema originii lor a rămas nerezolvată multă vreme. Ca rezultat al cercetării cuprinzătoare efectuate de autori, s-a dovedit că zona de proveniență a acestora este regiunea „Srnenă Sredna Gora” din sudul Bulgariei.

Cuvinte-cheie: bulgarii-tucani, Bugeac, emigrare, Srnenă Sredna Gora.

Резюме

Самыми ранними из болгарских поселенцев южной степной части Бессарабии – Буджака – стали так называемые «туканцы». Проблема их происхождения долгое время оставалась неразрешенной. В результате комплексных исследований, проведенных авторами, было доказано, что зоной выхода их предков являлся регион «Сърнена Средна Гора» в Южной Болгарии.

Ключевые слова: болгары-туканцы, Буджак, переселение, Сърнена Средна Гора.

Summary

The earliest Bulgarian settlers of the southern steppes of Bessarabia – Budjak become so-called „tukantsy”. The problem of their origin has remained unsolved for a long time. As a result of comprehensive research conducted by the authors, it was proved that zone his migration is a region of „Srnenă Sredna Gora” in Southern Bulgaria.

Key words: Bulgarian-tukantsy, Budjak, emigration, Sarnena Sredna Gora.